

ОЛЕГ АУРОВ

Историческая мозаика

Книги, выбранные для настоящего обзора, объединяет немного: почти исключительно то, что все они являются научными изданиями по истории. В остальном — содержание, хронология, место в историографической традиции и т. п. — различны. Получается своеобразная историческая мозаика. Камешки в ней совсем разные, но все они — часть единого узора или, говоря проще, современного уровня развития исторической науки, о котором главным образом и пойдет речь ниже.

Начну с разговора о книге «Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов», явлении явно незаурядном. Этой книге явно не суждено затеряться в море литературы по истории — как научной, так и научно-популярной! И прежде всего потому, что все составляющие ее содержания — и тематика, и коллектив авторов, и редакторы — отвечают самым высоким научным требованиям. Под ее обложкой соседствуют материалы «круглого

Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. Отв. ред.

А. Е. Петров, В. А. Шнирельман.
М., Ин-т археологии РАН, 2011

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ
ИСТОРИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ
И КОНСТРУИРОВАНИЕ
ЭТНОКРАТИЧЕСКИХ МИФОВ

стола» «Фальсификация исторических источников национальной истории», который проходил в Российской академии наук в сентябре 2007 года (см. С. 299—372), и статьи, подготовленные большинством участников форума на основе сделанных ими докладов. В результате получился увесистый том, в котором нашла отражение широчайшая гамма сюжетов, связанных с фальсификацией исторических источников.

Вследзатекстами, содержащими наблюдения общего характера и написанными видным российским этнологом, доктором исторических наук В. А. Шнирельманом (Институт этнологии и антропологии РАН), поставив-

шим вопрос о причинах появления фальсификаций и их важнейших особенностях (см. С. 17—34), членом-корреспондентом РАН В. П. Козловым, предложившим целостную классификацию подлогов исторических источников (см. С. 35—50), и доктором исторических наук Л. А. Беляевым (Институт археологии РАН), коснувшимся крайне острой проблемы фальсификации данных

АУРОВ Олег Валентинович — доцент, кандидат исторических наук.

археологических раскопок (см. С. 51—66), следуют статьи, посвященные анализу конкретных примеров фальсификации источников. Не стремясь перечислить все материалы (каждый из которых на самом деле заслуживает самого пристального внимания), назову лишь те из них, которые представляются мне главными.

Фальсификации археологических источников (помимо уже упоминавшейся работы Л. А. Беляева) посвящены статьи Л. Т. Яблонского (Институт археологии РАН), коснувшегося проблем интерпретации археологических данных в связи с проблемой этногенеза отдельных народов, Е. В. Русиной (Институт истории НАН Украины), а также А. Е. Петрова (Институт славяноведения РАН), уже упоминавшегося Л. А. Беляева и А. П. Бужилова (Институт антропологии МГУ). В целом материал, проанализированный в этих статьях, конкретизирует общее наблюдение, сделанное Л. А. Беляевым, а именно — что, несмотря на достаточно высокую степень надежности археологических источников, это не гарантирует их от фальсификаций. И речь здесь идет не столько даже о подделках конкретных артефактов (хотя и эта проблема остается достаточно острой), сколько о документальном оформлении проведенных работ. Тем более что (вопреки представлениям тех, кто не знаком с полевой археологией) археологический памятник — явление довольно эфемерное. Продвигаясь в глубь культурного слоя — от поверхности к «материку» (слою почвы, свободному от остатков человеческой деятельности), археолог, по мере фиксации содержания соответствующей страты (фотографии, рисунки, чертежи, данные замеров и т. д.), безжалостно срывает ее, переходя к следующему уровню. Потому столь велика цена точности археологических отчетов, ежегодно сдаваемых в Институт археологии РАН по окончании полевого сезона. Между тем в настоящее время, кроме профессионализма и личной порядочности археологов, ничто не гарантирует такой точности (см. С. 51—66).

Главное, что ничто не гарантирует и корректности последующей интерпретации полученных данных. К чему это может привести, блестяще показали в своем докладе (а затем и в написанной на его основе статье) А. Е. Петров, Л. А. Беляев и

А. П. Бужилова (см. С. 247—267). Шаг за шагом они раскрывают механизм фальсификации «останков Ивана Сусанина» в ходе раскопок на сельском погосте села Исупово Костромской области (2001—2002 годы). Областной администрации так хотелось получить желанный результат, что археологи (в принципе — вполне профессиональные и объективные исследователи) вынуждены были сформулировать выводы, в дальнейшем ставшие основой для интерпретации, в которой были заинтересованы те, кто «заказывал музыку» — оплачивал раскопки (то есть все та же областная администрация).

Вторая группа докладов была посвящена источникам письменным, причем самым разным: от пресловутой «В(е)лесовой книги», столь популярной у русских и украинских националистов (статьи А. А. Зализняка, В. А. Шнирельмана, см. С. 97—144, 163—178), до менее известных широкому читателю фризской «Хроники Ура Линда» (В. В. Эрлихман, см. С. 181—186); «Албанской книги», будто бы составленной то ли предками лезгин, то ли самими лезгинами (М. С. Гаджиев, см. С. 187—197); «Истории татарских ханов...» (И. В. Зайцев, см. С. 198—207); «булгарской» хроники (точнее, цикла хроник) «Джагфар Тарихлы» (Ю. Шамилоглу, А. Е. Петров, см. С. 275—287, 288—297); «средневековых» чешских Краледворской и Зеленогорской рукописей (М. А. Робинсон, см. С. 313—317); «Подложной грамоты Иоанна Владимирского Шуйского» (В. В. Дубовик, см. С. 339—343) и некоторых других.

Наконец, последняя группа статей посвящена фигурам фальсификаторов — тех, кто по различным причинам фабриковал «исторические источники». Израильский историк М. Б. Кизилов представил интереснейшее исследование о фигуре Серая Шапшала (1873—1961), жившего в Литве историка-караима, за свою жизнь составившего целый ряд фальшивок, причем одной из наиболее известных является текст о Тимофее Хмельницком, опубликованный в «Вопросах истории» в 1955 году с согласия его редактора М. Н. Тихомирова (см. С. 208—237). Фигуре другого караимского «краеведа» (но и несомненного эрудита и патриота своего народа) посвятил свою работу российский исследователь А. М. Федорчук, исследовавший мотивы и

результаты деятельности Авраама Фирковича (1787—1874) (см. С. 351—355). Последний работал раньше, чем С. Шапшал, и еще более масштабно: он фабриковал не только тексты, но и надписи, в том числе — на могильных плитах караимского кладбища в Чуфут-Кале. Среди прочего он умудрился «удревнить» возраст самого кладбища (кстати, и без того являющегося самым старым еврейским кладбищем в Восточной Европе) с XIV до VI века!

Занятно, что при этом и А. Фиркович, и С. Шапшал исходили из защиты интересов своих соплеменников-караимов — так, разумеется, как они эти интересы понимали. Первый стремился доказать, что караимы (тюркоязычные евреи) — это лучшие и наиболее последовательные евреи в самом широком смысле, — и преуспел в этом: в частности, показательно уже то, что на караимов не распространялись унижительные нормы, связанные с «чертой еврейской оседлости». Второй же, наоборот, решительно отрицал еврейскую этничность своих соплеменников, активно доказывая, что они — турки, потомки хазар. В годы Второй мировой войны это спасло жизнь литовской общине караимов: нацисты действительно поверили, что караимы — хоть и иудеи, но не евреи. Однако война закончилась, а Серайя «Хан» Шапшал упорно продолжал дудеть в старую «дуду».

Строго говоря, для историка выявление фальсифицированных источников — дело хотя и не лишнее определенного профессионального интереса, но и не самое приятное (и уж тем более — популярное). Особенно когда речь идет о подделках, пустивших такие глубокие корни в общественном сознании, как, например, «В(е)лесова книга» в России или «Джагфар Тарихлы». Тем более что кризис науки и образования наблюдается, среди прочего, и в повышении степени толерантности к подделкам не только в обществе в целом, но даже в профессиональной среде. Так, например, «В(е)лесова книга», фальсифицированный характер которой совершенно очевиден, на Украине включена в состав школьной программы (см. С. 163 и др.), а «Джагфар Тарихлы» (пусть и отвергаемая современной наукой) успела стать неотъемлемой частью этнического самосознания той части казанских татар, кото-

рые идентифицируют себя как «булгары». Сплошь и рядом историк, выступающий против фальсификаций, рискует нарваться на обвинения в «академической косности» и «непатриотичности» (вариант — в наличии «рецидивов имперского сознания»).

На самом деле обе эти категории обвинений тесно взаимосвязаны. Для доказательства начну с обсуждения вопроса об «академической косности», будто бы не позволяющей профессиональным историкам принять подлинность текстов типа той же «В(е)лесовой книги» или «пролезгинской» «Албанской книги», получивших признание в среде «широкой общественности», а нередко — и представителей власти. На подобные обвинения порой покупаются даже вполне образованные люди. Между тем работа по выявлению и отбору свидетельств первичной информации о событиях и явлениях прошлого чрезвычайно сложна. Более того, именно она (а вовсе не вторичная интерпретация материала, сколь бы важна она ни была) и составляет суть работы профессионального историка.

Как это часто бывает, Бог сокрыт здесь не в основном принципе (который как раз достаточно понятен), а в деталях. Так, например, несложно объяснить, что, например, разговор об эпохе Ивана Грозного (1533—1584) следует вести, основываясь на современных ему источниках. Однако специалистам прекрасно известно, что далеко не все тексты середины — второй половины XVI века (а тем паче — более раннего периода) дошли до нас в виде подлинников: большинство представлено в копиях, а потому «поздний по времени изготовления» далеко не всегда означает «поздний по содержанию». Тем более это важно применительно к изучению ранних эпох. Так, например, практически все древнеримские сочинения сохранились в средневековых рукописях (западных или византийских), переписанных через столетия, иногда — через тысячелетие и более, после возникновения оригиналов. Как же в этих условиях отделить действительно ранее от того, что хочет лишь казаться таковым?

Здесь-то и оказывается задействован профессионализм историка — знание множества вещей, основы которых постигаются в студенческие годы, а затем развиваются на протяжении всей жизни.

Среди прочего необходимо иметь представление о принципах функционирования канцелярий (если речь идет о документах в собственном смысле слова, то есть о частно- или публично-правовых актах), типологии письма, использовавшегося писцами в разное время, принципах оформления документов (от расположения текста на странице и особенностей почерков конкретных писцов до цвета нити, на которую к трамоте прикрепляли вислую печать), о материале письма (пергамене, бумаге и пр.), включая технологию его выделки и отличительные особенности (например, водяные знаки), видах и типах печатей (этим занимается специальная историческая дисциплина — сфрагистика), принципах датировки и многое другое. И это — лишь малая часть знаний и навыков, необходимых историку-профессионалу!

Но это еще не все. Работа историка (особенно занимающегося отдаленными эпохами) непредставима еще и без прочных знаний во многих сопутствующих науках — от истории искусства и истории права до лингвистики. Последнее представляется особенно важным: профессиональный историк должен воспринимать язык как живое существо, постоянно находящееся в состоянии изменений, и уж, разумеется, ни в коем случае не игнорировать его законов. Людям, не имеющим способностей к иностранным языкам и/или склонности к работе с иноязычными материалами, лучше вообще не избирать для себя стезю профессионального историка даже тогда, когда они желают заниматься отечественной историей. Ибо никто не отменял меткого замечания, которое традиция приписывает выдающемуся петербургскому антиковеду, блестящему историку (но и доктору филологических наук) А. И. Доватуре (1897—1982): «история без филологии слепа, филология без истории мертва».

Именно профессионализм, то есть воспитанное научной школой и усвоенное на уровне аксиомы ощущение необходимости и естественности следования профессиональным критериям, и есть то основное, что отличает историка как от идеолога, так и от «вольного» литератора, пишущего на исторические темы. Так вот: этот профессионализм, эту культуру исследования сторонники (а порой — и сами создатели)

фальшивок и называют «косностью». Ибо им гораздо проще апеллировать к положениям, внешне очевидным, но на самом деле — глубоко ошибочным. Примеры такого рода приводит в своей статье видный российский лингвист, академик А. А. Зализняк (Институт славяноведения РАН), анализируя все ту же «В(е)лесову книгу» (см. С. 97—115). Кроме того, не менее наглядны данные, приводимые в статье известного российского историка, доктора исторических наук, профессора Е. А. Мельниковой (Институт всеобщей истории РАН), затрагивающей проблему так называемой «народной этимологии» (см. С. 67—84). Она рассказывает о вещах, прекрасно известных любому квалифицированному лингвисту, но порой незнакомых не только неспециалисту, но и недостаточно подготовленному для анализа соответствующего материала профессиональному историку, что выглядит особенно прискорбным.

Так, например, в ряде современных работ по истории Древней Руси широко распространены псевдоэтимологии типа «вагры/варяги», «роксоланы/русы-аланы», «рус/прусы» и иные, подобные приведенным, созвучия, воспринятые из книги русского историка середины XIX века С. А. Гедеонова «Варяги и Русь». Между тем само по себе созвучие не дает никаких оснований для выводов, тем более — далеко идущих. Морфология, историческая фонетика и иные разделы лингвистики просто вопиют, когда в одну кучу с понятием «русь», встречающимся в древнейшей из дошедших до нас русских летописей «Повести временных лет», сваливаются самые разнородные (как географически, так и хронологически) этнонимы, типа «рутенны», «руги», «руяне», «росомоны» и др. (см. С. 76—77). Между тем в целом ряде случаев именно это делают сторонники современного антинорманизма, чаще, чем это может себе позволить профессионал, игнорирующие законы языкознания.

Но указывая на неприемлемость подобной небрежности, специалист (увы, слишком часто) рискует нарваться на обвинение в «непатриотизме», тем более что целый ряд фальсификаций (вне зависимости от конкретных обстоятельств их создания) активно курсируют в националистически настроенной среде, где немало желающих «к штыку приравнять перо».

Одержимость национальной идеей — одна (но далеко не единственная) из тех одержимостей, способная сбить с пути поиска истины даже профессионального историка, а тем более — увлеченного дилетанта, каковые составляют абсолютное большинство в среде увлекающихся фальсифицированными источниками.

Вопреки существующим представлениям, патриотизм — черта, вовсе не противопоказанная профессиональному историку. Более того, я уверен, что наиболее яркие концепции создаются именно патриотически настроенными исследователями. Однако патриотизм и профессионализм — вещи совершенно разного

плана. И лишний раз в этой очевидной мысли убеждает содержание доклада доктора исторических наук М. А. Робинсона (Институт славяноведения РАН, см. С. 313—317). По его наблюдениям, широко понимаемый патриотизм подтолкнул чешского интеллектуала Вацлава Ганку (1791—1861) к фабрикации Краледворской и Зеленогорской рукописей, «продливших» историю чехов далеко в глубь веков. Но то же самое чувство вовсе не помешало разоблачить эти подделки Томашу Масарику (1850—1937), впоследствии ставшему первым президентом независимой Чехословакии. И уж явно не по причине недостаточности патриотизма!

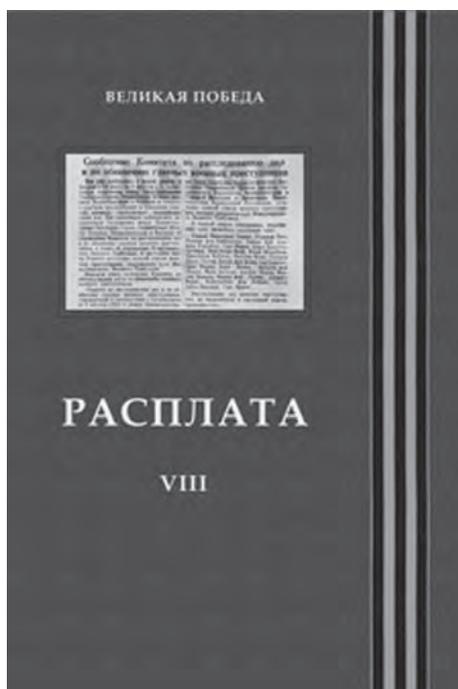
Двинемся, однако, дальше и поговорим об шеститомном издании, выпущенном к 65-летию Великой Победы и посвященном истории Великой Отечественной войны; в настоящее время оно частично доступно также в электронной версии¹. Со времени публикации прошло два года. Кажется, все сроки для написания рецензий уже истекли. Однако в данном случае я все-таки решился высказаться — и на то есть как минимум две причины. Первая — тема истории Великой войны, совершенно особая для нашей страны; вторая — накопившиеся за два года отклики читателей, знакомство с которыми заставляет вспомнить есенинское «лицом к лицу лица не увидеть» и позволяет оценить шеститомник в новом свете.

Начну с того, что в работе над сборником участвовали видные отечественные

65 лет Великой Победы.

В 6 т. Под общ. ред.

С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова.
М., МГИМО (У) 2010. Т. I—VI. (Приложение к журналу «Вестник МГИМО — Университета»).

историки. Не претендуя на объективность, назову лишь некоторые имена: академик А. О. Чубарьян, О. А. Ржевский и М. Ю. Мягков (Институт всеобщей истории РАН), академик А. В. Торкунов, М. М. Наринский, В. О. Печатнов, А. В. Ревякин, М. А. Мунтян (все — из МГИМО(У) МИД РФ), М. А. Гареев (Академия военных наук), А. А. Кошкин (Восточный университет), М. И. Мельгохов (ВНИИ документоведения и архивного дела), В. П. Смирнов (Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова), Е. С. и А. С. Сенявские (Институт российской истории РАН), В. И. Дашичев (Институт экономики РАН), Л. М. Воробьева

(Российский институт стратегических исследований) и др.

Чем дальше в прошлое уходит эпоха величайшей из войн, когда бы то ни было пережитых человечеством, тем в большей степени активизируются «битвы за историю». Хотя ялтинский миропорядок, со

¹ См. www.victory65.mgimo.ru/

всеми его плюсами и минусами, к настоящему времени уже стал достоянием прошлого, для современной России, ее элиты и ее народа, совсем не все равно, в какой мере и какая часть утвердившихся представлений о Второй мировой пройдет проверку временем и новыми, постоянно прирастающими данными, почерпнутыми из вновь открывающихся архивных фондов.

Судя по заявлениям составителей сборника, берясь за дело, они в полной мере осознавали ответственность своей миссии. «Данный труд стал действительно уникальным явлением в российской гуманитарии», — подчеркивается в пресс-релизе, помещенном на сайте МГИМО(У) МИД РФ перед презентацией². Знакомство с текстом, однако, показывает, что эта цель достигнута не была. К сожалению, целое получилось меньше суммы составляющих его частей.

Если, конечно, целое это вообще было. Поскольку при ближайшем знакомстве возникает устойчивое впечатление «кучи малы», собранной явно наспех: либо, что называется, «к дате», либо под неожиданно свалившееся финансирование, либо (что представляется наиболее вероятным) по обеим причинам сразу. Причем собирание происходило в спешке, которая неизбежно порождает ляпы чисто технического характера. Для того чтобы понять все это, совсем необязательно быть специалистом по истории Второй мировой войны.

Прежде всего, торопливость и непоследовательность проявляются в структуре издания. Так, например, несмотря на различие в названиях, два первых тома — «Канун трагедии» (Т. 1) и «Вставай страна огромная» (Т. 2) — посвящены практически одной и той же теме — предыстории Второй мировой, внешнеполитической ситуации и военным планам сторон. Чтобы понять это, достаточно просто сопоставить заглавия томов — это вполне под силу читателю и без рецензента. В то же время во второй том не попало ни одно-

го (!) текста, касающегося непосредственно драматических событий первого года (не говоря уже о первом периоде) войны (чего следовало бы ожидать из названия, данного по первой строчке известной советской песни).

За вторым томом следует третий. Вопреки ожиданиям, в его заглавие вынесено слово «Победа». Таким образом, сложнейшие перипетии, связанные с коренным переломом в Великой Отечественной (а также Второй мировой) войне оказываются вне сферы внимания. Пусть даже так. Пусть то, что было между 1941-м и 1945 годом можно опустить. Но ведь это еще не все. Открывая третий том, читатель с удивлением обнаруживает там статью В. М. Фалина, уже заглавие которой говорит само за себя: «К предыстории пакта о ненападении между СССР и Германией» (см. Т. 3. С. 7—35). Таким образом, мы снова оказываемся лицом к лицу с событиями и процессами предвоенного (а учитывая содержание статьи Фалина — и весьма далекого предвоенного) времени.

Из остальных материалов, вошедших в состав третьего тома, к проблематике, связанной с Великой Победой как таковой, напрямую связана лишь статья М. Ю. Мягкова о битве за Берлин (см. Т. 3. С. 189—192). Все остальные материалы имеют весьма косвенное отношение к заявленной теме. Так, обзорная статья М. А. Мунтяна касается истории антигитлеровской коалиции (см. там же. С. 36—51); М. М. Наринский посвятил свою работу проблеме границ и сфер влияния СССР в военный и послевоенный период (1941—1946 годы) (см. там же. С. 52—60); последний же из включенных в том материалов, носит сугубо официальный характер уже потому, что принадлежит американскому послу в РФ Джону Байерли (2008—2012) «60 лет высадки в Нормандии» (см. там же. С. 193—196), не претендующему на лавры самостоятельного исследователя истории Второй мировой. В общем и «Победа» оказывается весьма односторонней.

Содержание остальных трех томов (Т. 4—6) несколько в большей степени соответствует их заглавиям. Однако ощущение «кучи-малы» не оставляет и здесь. Покажем это на примере четвертого тома, который в содержательном плане

² См. презентацию журнала «Вестник МГИМО—Университета». 28.04.2010. — www.mgimo.ru/news/announce/document150536.phtml

на общем фоне выглядит несколько более цельным. Том озаглавлен «Другое лицо войны». Составители посчитали возможным включить в него такие материалы, как доклад М. А. Гареева на заседании Ассоциации историков Второй мировой войны (см. Т. 4. С. 7–12), посвященный так называемой Ржевской битве, стенограмма пресс-конференции по поводу выхода трехтомника «Война и общество в XX веке» (М., 2009), подготовленного Институтом всеобщей истории РАН (см. там же. С. 13–20), статьи А. А. Падерина и Ю. Федоровского об украинском коллаборационизме и УПА (см. там же. С. 43–49), а также В. С. Христофорова о формах коллаборационизма в южной России («Локотский округ РОНА», действовавший на части территорий Брянской, Орловской и Курской областей; см. там же. С. 179–211) и наконец материалы «круглого стола» «Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина», состоявшегося в РИСИ 12 ноября 2009 года (см. там же. С. 93–178).

По ознакомлении с этой структурой возникает ряд вопросов, которые составители шеститомника оставили без внимания. Во-первых, что означает понятие «другое лицо войны», вынесенное в заглавие тома? Коллаборационизм? Но почему столь избирательно? Даже с учетом материалов «круглого стола» 2009 года, на котором, помимо истории РОА и УНА, говорилось о коллаборационизме на Северном Кавказе, а также о восточных и казачьих формированиях в составе вермахта, материалы тома охватывают лишь малую часть этого сюжета из истории Второй мировой войны. Однако если речь идет о коллаборационизме, то причем здесь «Ржевская битва» (которой, как отдельного явления, на самом деле не было — что вполне убедительно показывает М. А. Гареев)? И уж вовсе неясен мотив помещения в том стенограммы пресс-конференции, содержание которой лишь в минимальной степени касается заявленной проблемы «война и общество в XX веке» (тем более что лишь часть материалов, включенных в этот трехтомник, посвящена периоду Второй мировой).

От четвертого тома перейдем к пятому. И там опять обнаруживается та же

«куча мала» при том, что заглавие тома сформулировано весьма расплывчато — «Утраченные перспективы»: уж казалось бы, под эту «шапку» подойдет все что угодно. На деле основная часть материалов, составивших том, посвящена проблематике, связанной с возникновением «холодной войны» — статьи О. А. Ржешевского и М. Ю. Мягкова, а также две работы М. А. Мунтяна. Важность этого круга сюжетов не вызывает сомнений. Однако остаются неясными три вещи. Во-первых — причины включения в том обширного эссе Н. А. Нарочницкой «За что и с кем мы воевали», которое касается все-таки иного круга вопросов, чем генезис «холодной войны». Во-вторых — как вяжется с концепцией сборника, заявленного как публикация «новых материалов»³, перепечатка таких явно устаревших текстов, как фрагменты книг Н. Н. Яковлева «ЦРУ против СССР» (М., 1983) (см. Т. 5. С. 135–157) и Г. Киссинджера «Дипломатия»⁴ (см. там же. С. 158–171)? В-третьих, наконец, никуда не девалась все та же проблема обширных лакун.

И наконец, шестой том, претенциозно озаглавленный «За честную историю». Его основу составили материалы деятельности ныне уже упраздненной Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Том открывается статьей С. Е. Нарышкина (см. Т. 6. С. 10–12), являвшегося председателем Комиссии, а также его заместителя И. И. Сироша (см. там же. С. 51–58). Здесь же присутствуют интервью видного историка В. С. Христофорова журналу «Время новостей» об основных направлениях деятельности Комиссии (от 7 июля 2009 года), стенограмма заседания все той же Комиссии от 28 августа 2009 года (см. там же. С. 19–44), а также Научно-практической конференции «Противодействие попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России», состоявшейся в МГИМО(У) МИД РФ явно по

³ См. «В МГИМО представили шеститомник к 65-летию Великой Победы». 28.04.2010. — www.vesti.ru/doc.html?id=356210

⁴ **H. Kissinger**. Diplomacy. N. Y. et al., «Simon & Schuster», 1994. Рус. пер. — М., «Ладомир», 1997.

инициативе со Старой Площади (см. там же. С. 70—106), «Основные направления работы Комиссии...» (см. там же. С. 46—47). Проблема фальсификаций затронута также в статье А. В. Серегина (см. там же. С. 107—110), явно примыкающей по содержанию к перечисленным материалам.

Следует признать, что последние смотрятся более или менее единым блоком. Другое дело, стоило ли еще раз перепечатывать официальные материалы о деятельности Комиссии, и без того доступные всем интересующимся как в печатном, так и в цифровом формате? Оставляю ответ на этот вопрос на совести составителей. Поговорю о другом. Совершенно неясно, что в томе делает статья Н. А. Нарочницкой «Концерт великих держав» накануне решающих событий» (см. там же. С. 59—69), место которой (судя по ее содержанию) — в начальной части шеститомника. Какое отношение к деятельности Комиссии имеет статья А. В. Мальгина о встрече В. В. Путина и Д. Туска в Катини в контексте проблемы российско-польского примирения (см. там же С. 113—116)? Как сочетается со всем остальным несомненно любопытная статья Ж.-П. Ариньона (Университет Аррас) «Советский Союз во французских учебниках» (см. там же. С. 111—112)? И наконец, какое вообще отношение к истории Второй мировой и Великой Отечественной имеет завершающая работа А. И. Подберезкина «Об истоках опережающего развития России» (см. там же. С. 117—201), название которой говорит само за себя?

В общем, опять все та же «куча мала». С горечью констатируя это, я вовсе не хочу показаться сторонником идеи сборника научных статей как таковой. Но этот жанр предполагает активную работу составителей, развернутые обоснования необходимости объединения разнородных материалов под одной обложкой и объяснения конкретных принципов их отбора. Ибо просто взять то, что лежало на расстоянии вытянутой руки, — это не принцип.

Между тем, именно так действовали составители. А потому никакого *единого* издания по истории Великой Отечественной войны не получилось. Ибо ни о какой *единой* концепции применительно к интеллектуальному винеграду

в принципе нельзя говорить — слишком уж разнопорядковые ингредиенты были свалены в одну кучу. В итоге рядом с серьезными работами видных специалистов оказались тексты, подобные включенной в четвертый том статье некоего Юлия Федоровского (Луганск) («К вопросу об украинском коллаборационизме». см. Т. 4. С. 50—55). Уже после выхода шеститомника в свет выяснилось, что репутация этого исследователя весьма одиозна: украинские коллеги прямо обвиняют его в грубых фактических ошибках и плагиате (что, к сожалению, касается и статьи, помещенной в шеститомнике)⁵.

И пусть даже случай Ю. Федоровского является исключением (что, впрочем, тоже не позволяет его игнорировать). Но как быть, например, с полными грубейшего передергивания исторических фактов статьями польских историков М. Волоса и С. Дембски, помещенных в первом томе (см. Т. 1. С. 203—213, 214—236)? Разумеется, польские коллеги вправе думать так, как они считают нужным. И в сборнике, подготовленном под эгидой МГИМО(У) МИД РФ к 70-летию начала Второй мировой войны⁶, где обе статьи были опубликованы ранее, их особое мнение смотрелось вполне органично.

Но тексты такого рода нельзя было взять и (без всякого комментирования, без малейшей доработки!) поместить в совершенно иное по характеру и задачам издание. Ведь если следовать логике М. Волоса и С. Дембицки, то их надо еще и поблагодарить за то, что они отводят сталинскому СССР *только* «второстепенную» (см. там же. С. 211, 231—232) роль в разжигании Второй мировой войны. Неужели составители сборника солидаризируются с этой позицией? И вновь вопрос повисает в воздухе.

Впрочем, проблемные «идеи», выдвигаемые в сборнике, принадлежат не только русофобам с берегов Вислы. Вот что

⁵ См. «Комментарий к “Обращению” редколлегии сборника “Украинский национализм и Донбасс”». — www.2000.net.ua/2000/svobodaslova/realii/80839

⁶ См. «Завтра может быть уже поздно...». — «Вестник МГИМО—Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны». М., 2009.

пишет, например, некий А. В. Фоменко (см. Т. 6. С. 80—83) — «директор Центра изучения конкурентных преимуществ и альтернативных стратегий развития, Российский государственный торгово-экономический университет (РГТЭУ), член ПАСЕ (2005—2008)» (там же, С. 80), а попросту говоря — обыкновенный пиарщик из тех, к которым столь благосклонна нынешняя российская власть. В самом деле, ученые-историки для власть имущих — медлительные зануды, да и вообще лица социально не близкие; к тому же результаты их работы непредсказуемы — мало ли чего в архивах откопают. А пиарщик — одно загляденье: платишь деньги — раз-два... и Гордиев узел ликвидирован методом разрубания. А главное — все позитивно!

Так-то оно так. Но результат работы такого бойкого малого, не особенно образованного и чуждого академическим условностям, порой оказывается для заказчика хуже козней самого злостного врага. Вот и А. В. Фоменко, в лучшем случае знакомый с историей в объеме школьного учебника, с «легкостью в мыслях необыкновенной» призывает: «Важный для нас сегодня вопрос — ревизия советских иллюзий о “всемирно-историческом значении” нашей победы во Второй мировой войне. Для ощущения законной гордости за страну и народ нам должно быть вполне достаточно сознания того, что это была *наша великая победа в нашей Отечественной войне*, что в такой войне не мог добиться военной победы *никто, кроме нас*» (там же, С. 82).

Если перевести это высказывание на нормальный язык, то окажется, что особенность войны 1941—1945 годов лишь в кровопролитности и ожесточенности военных действий, тогда как в остальном СССР, сражаясь с Германией, решал *лишь* свои собственные, узконациональные задачи (так и хочется сказать: «действовал в своих корпоративных интересах»). Но если принять эту версию событий, то, учитывая характер политических режимов двух стран в означенный исторический период, от нее окажется всего один шаг до другой версии — версии войны Сталина с Гитлером, в которой оба диктатора решали свои собственные задачи («войны двух диктаторов»). А такая война уже не

сможет быть признана и «отечественной»: тем более что найдется куча желающих, готовых доказать вам, что народ по собственной воле не мог участвовать в войне на стороне диктатора, устроившего ГУЛАГ и Голодомор, и известные вам факты иного рода инспирированы сталинской пропагандой. Еще полшага — и этот народ окажется соучастником планов диктатора (и дай-то Бог еще *невольным* соучастником, поскольку многие будут доказывать обратное).

Стоит только отойти от последовательной опоры на документы и ринуться в погоню за сиюминутной целесообразностью, избрав в качестве средства формальную логику, и этот подход рано или поздно закончится крахом. А потому в первую очередь необходимо хорошо понимать, что тезис о «всемирно-историческом значении» победы советского народа в Великой Отечественной войне — это не искусственная теория, полезная вчера и ставшая обузой сегодня, а историческая реальность. Ибо любому сколь-нибудь образованному человеку (но не А. В. Фоменко) не следует объяснять, как изменился мир после 1945 года. И что наступивший после известных событий 1990—1991 годов реванш некоторых политических сил, показавших свое полное банкротство в ходе Второй мировой, капитулировавших перед нацизмом или даже вставших к нему на службу, не отменяет самого факта этих изменений, прямо или косвенно затронувших *весь* мир. А потому можно сколь угодно спорить о позитивных или негативных аспектах происшедших тогда изменений, но не об их масштабе — воистину *всемирно-историческом*.

И еще два слова о роли пиарщика на поле истории. У PR-технологий много достоинств. Но даже самые изощренные PR-методы не свободны от двух недостатков. Первый: они всегда отстают от нарастающего в геометрической прогрессии объема фактов, для освоения и осмысления которых, собственно, и существует сообщество профессиональных историков. В этом смысле фактические основания PR-концепций изначально обречены на отставание от актуального уровня научного исторического знания, причем

с течением времени это отставание становится все более ощутимым. Второй недостаток — ориентация исключительно на собственную, внутреннюю аудиторию. Предложи, например, А. В. Фоменко свои идеи специалистам, подобным названным выше М. Волосу или С. Дембски, они без труда не просто разобьют — вытрут ноги о его доводы. И, честно сказать, будут правы. Короче говоря, передай дело борьбы с фальсификациями таким «патриотам», как А. В. Фоменко, и никаких фальсификаторов уже не понадобится: все необходимое будет, что называется, «made in Russia».

Что же в сухом остатке? С момента выхода сборника прошло два с лишним года. Сегодня уже вполне можно судить о резонансе столь помпезно представленного издания. Так вот, результаты плачевны. Сборник, рассчитанный «на широкий круг» читателей, но выпущенный тиражом в 1000 (!) экземпляров на всю нашу 140-миллионную страну, до этого самого «широкого читателя» так и не дошел, да и дойти не мог. Обязательные экземпляры получили главные государственные и вузовские библиотеки, а остальным — почти ничего не досталось. Правда, в известной степени этот недостаток восполняет версия, выложенная в Интернет; однако она не полна. В частности, отсутствует большая часть тех самых недавно «новых» документов, публикацией которых так гордятся редакторы сборника.

Тем не менее сказанное не помешало ознакомиться с текстом читателю, которого невозможно назвать беспристрастным, но которому явно не откажешь во внимании. Речь идет о небезызвестном г-не Резуне, он же — «Виктор Суворов», который не замедлил выложить пространственный отзыв в Интернет⁷. Вот уж кто от души поглумился над результатом работы авторского коллектива! Не забыл ничего: ни мизерного тиража, ни отсутствия жизненно необходимых в таком издании указателей (географических названий,

персоналий, принятых сокращений, использованных архивных фондов и т. д.), хронологических таблиц и перечня карт (как и самих карт, впрочем, тоже). Не упустил возможности позлословить и о том, что далеко не все из помещенных в сборник недавно рассекреченных документов действительно содержат по-настоящему новую информацию (что, в свою очередь, указывает на недостатки в системе отбора материалов для публикации). Наконец, не забыл упомянуть и о факте отсутствия должных комментариев к публикуемым документам, из-за чего порой возникают обидные казусы. Так, один из материалов, представленный в виде фотокопии и оставленный без комментария, характеризует Сталина как «ставленника мирового еврейства»...

Ничего не укрылось от меткого взгляда беглого экс-разведчика! И вот уже он во всю глотку вопит о том, что представленные в шеститомнике материалы... лишний раз подтверждают его правоту. И пойдиты, поймай фальсификатора за руку! Тем более что едва ли не все его инсинуации отталкиваются от замечаний о действительно слабых сторонах издания, с которыми не поспоришь.

Здесь бы и поставить точку. Но я принципиально не хочу заканчивать эту часть обзора ссылкой на г-на Резуна. И поэтому предпочту предоставить слово другому читателю шеститомника, у которого, как и у меня самого, то, что заставляет радостно верещать альбионского фальсификатора, отзывается болью в сердце. В своем блоге этот человек — один из множества учившихся у меня студентов, а ныне — признанный специалист, замечательный знаток истории Великой Отечественной войны А. Р. Дюков, — показательно немногословен. Профессионал, много более меня понимающий в предмете, о котором идет речь, *выразился о шеститомнике так*: «Интересные статьи есть, но: (1) много уже публиковавшегося раньше; (2) ряд тем освещен крайне слабо; (3) *есть откровенно убогие статьи*; (4) *публикация документов хаотична. Двойственное впечатление, в общем*»⁸. Вот и я об этом.

⁷ См. **Виктор Суворов**. Сказ о великой победе и о товарище Сталине, ставленнике мирового еврейства. — www.avictory.org/blog/2011/07/08/viktor-suvorov-skaz-o-velikoj-pobede-i-otovarishhe-staline-stavlennike-mirovogo-evrejstva/

⁸ См. www.a-dyukov.livejournal.com/742055.html

В завершение обзора — о научной классике, о том лучшем, что создано в исторической науке, что прошло проверку временем и до сих пор задает уровень профессионализма для всего «цеха» историков. В данном случае речь пойдет о книге замечательного русского византиниста Георгия Александровича Острогорского (1902—1976), которая наконец-то вышла на русском языке и уже неоднократно была представлена российскому читателю. Последний раз это произошло 28 мая 2012 года в «Царской башне» Казанского вокзала в Москве (отмечу, что значительную роль в подготовке этого

события сыграл заместитель председателя Русского исторического общества М. А. Смирнов, крупный специалист по древностям российским). Писать об этой книге одновременно и просто, и сложно. С одной стороны, тот факт, что она давно и окончательно отнесена к научной классике, существенно облегчает задачу рецензента. С другой — тот же факт создает и проблемы, поскольку, вышедший последним авторским изданием в 1963 году, труд кое в чем несомненно устарел, но говорить об очевидном — как-то бессмысленно. Поэтому ниже я постараюсь сосредоточиться на вещах менее очевидных; насколько это получилось — судить читателю.

Начну с того, что изначально издание было задумано как справочное: не случайно первый раз, в 1940 году, книга вышла в качестве второго тома первой части «Византийского справочника», редактировавшегося известным филологом-классиком Вальгером Фридрихом Отто (1874—1958). Отсюда и относительно ограниченный

Г. А. Острогорский.
История Византийского государства.
Пер. с нем. М. В. Грацианского;
ред. П. В. Кузенков.
М., «Сибирская Благовонница», 2011.
895 [1] с., илл., карты.

объем (что особенно очевидно в сравнении книги с многотомными историями Византии Ф. И. Успенского, А. А. Васильева, Ю. А. Кулаковского, а также советской «Историей Византии»), и структура текста (включающего раздел краткой истории византинологии и обзор источников в начале каждого следующего раздела основной части), и характер изложения, в котором основной упор вынужденно сделан на политической истории, и, наконец, включенные в издание значительный по объему библиографический раздел, карты, генеалогические таблицы и указатели.

Эти особенности в значительной мере сохранены и в русском переводе. Переводчик и научный редактор книги — в этой роли выступили два известных московских византиниста М. В. Грацианский и П. В. Кузенков — позаботились о том, чтобы труд Г. В. Острогорского сохранил свою пользу в качестве справочника и для современного читателя. Для этого, во-первых, был существенно расширен библиографический раздел (см. С. 685—785), включивший указания на литературу, а также русские переводы источников, вышедшие со времени появления издания 1963 года (с которого и был сделан перевод). Во-вторых, в раздел «Развитие науки об истории Византии» (см. С. 30—56), были внесены некоторые дополнительные сведения, главным образом указания на годы жизни некоторых ученых там, где это не было сделано Г. А. Острогорским.

Такую работу переводчика и научного редактора в полной мере оценит современный российский читатель. Другое дело, что в идеале хотелось, чтобы текст

Г. А. Острогорского был бы дополнен развернутым анализом его содержания с точки зрения соответствия/несоответствия современным научным представлениям. Эта задача является тем более актуальной, что последний анализ концептуальных представлений ученого был сделан очень давно — еще в 1978 году⁹. Хочется надеяться, что это будет восполнено в дальнейшем, при переиздании русского перевода.

Проблема, однако, видится не только в этом. Драматически поздно появившаяся на русском языке «История Византийского государства», при всех ее достоинствах как справочника по византистике, в первую очередь воспринимается все же как значимый памятник отечественной исторической мысли. Разумеется, составители текста учли этот факт, включив в издание очерк биографии ученого и приложив к нему «Список публикаций Г. А. Острогорского» (см. С. 7—18). Однако биографический очерк получился весьма лапидарным (см. С. 7—9). Соответственно, остаются вопросы, несомненно требующие ответа в случае, когда речь идет о личности такого масштаба, как Г. А. Острогорский. Небольшая рецензия неспособна восполнить этот пробел, требующий обязательного привлечения архивных материалов — как российских, так и находящихся за пределами РФ, прежде всего — в бывшей Югославии. Однако, при всей ограниченности своего масштаба, жанр рецензии позволяет хотя бы вчерне наметить тот общий контекст, который определял жизненный и научный путь Г. А. Острогорского.

Начну с замечания, что работы ученого — неотъемлемая часть истории культуры русской эмиграции, той «другой России», которая попыталась «унести родину на подошвах сапог». Сегодня мы уже хорошо знаем, что «другой России» не получилось. Но нам известно и то, что, пусть даже всего на одно поколение, ей удалось сохранить долю всего лучшего, что было в «Руси уходящей». Это видно и на примере

биографии Г. А. Острогорского, который родился в Петербурге; учился в Германии (в Гейдельбергском университете, слушал лекции К. Ясперса, Х. Риккерта и А. Вебера и под влиянием будущего великого немецкого историка, тогда еще совсем молодого Перси Шрамма (1894—1970) увлекся византистикой) и Франции (где он занимался под руководством видных византистов Ш. Диля, Г. Мейе, Ж. Руйар); в университете Бреслау (современный польский Вроцлав) начал преподавать; а затем (после знакового 1933 года) работал и умер в Югославии.

Очевидно, что такая биография не позволяет связать имя Г. А. Острогорского с русской наукой *stricto sensu*: его труды являются в первую очередь частью истории великой немецкой исторической (в более узком смысле — византинологической) школы, давшей миру таких выдающихся исследователей-византистов, как К. Крумбахер (1854—1909), К. Нойманн (1860—1934), О. Зеек (1850—1921), К. Э. Цахариэ фон Лингенталь (1812—1894) и др. По достоинству, именно в этом ряду и должно в первую очередь стоять имя Г. А. Острогорского. Но при ближайшем рассмотрении все оказывается еще сложнее. Хотя второй родиной историка стала Германия, но место третьей (и не многим менее важной) с полным основанием занимает Югославия.

Именно Югославия, объединившая в своих границах почти все южное славянство, предъявляла претензии на роль одного из преемников исторической Византии. Именно в качестве «пережитка» ненавистной многим на Западе византийской цивилизации ее и ломали о колена с начала 1990-х по начало 2000-х годов. Как мы знаем, в конечном итоге — успешно, хотя для раскола и абсорбции относительно небольшого государства пришлось задействовать явно непропорциональные ресурсы — весь Запад, да еще и ельцинскую «новую Россию», задействованную в качестве анестезирующего средства.

Но в 1930—1970-е годы, на которые пришелся югославский период жизни Г. А. Острогорского, было даже невозмож-

⁹ См. А. П. Каждан. Концепция истории Византийской империи в трудах Г. А. Острогорского. — «Византийский временник». 1978. Т. 39.

но представить себе подобный исход. Как довоенная, королевская, так и послевоенная, коммунистическая, титовская Югославия претендовала на место балканской великой державы, и византинологические штудии являлись одним из проявлений этой претензии. Отсюда — явно непропорциональная для небольшого государства роскошь в виде сначала особой кафедры при Белградском университете (1906), а затем — специализированного Византинологического института (Византолошки институт) при Сербской академии наук и искусств (1948), у истоков которого стоял Г. А. Острогорский. Отсюда же — и прекрасная национальная школа византистики, представленная именами Драгутина Анастасиевича (1877—1950), Станое Станоевича (1874—1937), Филарета Гранича (1883—1948), Йована Радонича (1873—1956) и других видных ученых. В послевоенное время свой вклад в развитие этой школы внес и Г. А. Острогорский, ученики которого (С. Радойчич, Б. Ферьянич, Л. Максимович, Ф. Баришич, И. Николаевич, С. Чиркович и др.) заняли видное место в югославской и мировой византинологии.

Отъезд в Югославию, куда его пригласил старый знакомый Д. Анастасиевич, изначально был мотивирован небезосновательными опасениями Г. А. Острогорского за свою жизнь и свободу (из-за еврейских корней отца). Однако в дальнейшем он прижился на гостеприимной балканской земле и в 1935 году получил югославское гражданство, в 1946-м стал членом-корреспондентом, а в 1948-м — действительным членом (академиком) Сербской академии наук и искусств, директором созданного по его инициативе при той же академии Византинологического института. В 1945—1947 годах сербские друзья и коллеги спасли Г. А. Острогорского для русской и мировой науки, не позволив включить его имя в список «белоэмигрантов», проживавших в Югославии и подлежащих выдаче Москве¹⁰. А потом

началась известная ссора Сталина с Тито, которая окончательно сняла вопрос о насильственном возвращении Г. А. Острогорского на историческую родину.

Последняя, впрочем, не особенно торопилась заключить его в материнские объятия. Еще «железный занавес» не успел упасть «от Штеттина до Триеста», а в журнале «Вопросы истории» уже были расставлены все точки над *i*: «С самого начала своей научной деятельности Острогорский проявил готовность поставить свою исследовательскую работу на службу царизму... Не случайно поэтому Острогорский не принял Великой Октябрьской социалистической революции и очутился в рядах белоэмигрантов. Оторвавшись от живительной почвы своей родины, Острогорский неизбежно сблизился с реакционным крылом историографии Византии»¹¹.

Тем разительнее контраст между большой Россией—СССР и маленькой Сербией: в самый разгар противостояния со сталинской Москвой Г. А. Острогорский (этнический русский!) был избран ректором Белградского университета и оставался на этом посту беспрецедентно долго — до 1973 года, когда был вынужден уйти на пенсию из-за тяжелой болезни. То, что Россия выбросила, коммунистическая (*sic!*) Югославия подобрала — и не прогадала.

Шли годы. Москва уже давно помирилась с Белградом, Хрущев, а затем и Брежнев врасплох целовались с Тито, но советские коллеги упорно продолжали не замечать работ Г. А. Острогорского. И это при том, что «белогвардейцем» его не решался назвать уже даже Б. Т. Горянов¹². И. Иванов, исследователь научной биографии выдающегося византиниста, применительно к периоду после 1948 года указывает лишь на одну рецензию на работу Г. А. Острогорского в советском научном журнале, написанную Е. П. Наумовым на моногра-

¹⁰ См. об этом **И. А. Иванов**. Русская византинология в Европе и труды академика Г. А. Острогорского. — «Христианское чтение». 2010. № 7. С. 103.

¹¹ См. **Б. Т. Горянов**. Острогорский и его труды по истории Византии. — «Вопросы истории». 1945. № 3—4. С. 135.

¹² См. его рецензию на работу Г. А. Острогорского «К истории византийского феодализма» (1954) («Вопросы истории». 1955. № 11. С. 55).

фию «Сербская область после смерти Душана»¹³, и это при том, что, по подсчетам того же И. Иванова, за период после 1948 года Острогорским было написано почти 60 научных работ, не считая рецензий и обзоров литературы. Однако еще более красноречивым представляется другой факт: за всю жизнь историка в Советском Союзе вышла *одна-единственная* написанная им статья¹⁴ — капля в море из почти полутора сотен больших и малых трудов, вышедших из-под его пера начиная с 1926 года!

С учетом сказанного, просто поразительным выглядит то отношение к советским коллегам, которое проявлял сам Г. А. Острогорский. С нескрываемой гордостью за свою историческую родину звучат его слова: «В настоящее время византиноведение в Москве, Ленинграде и некоторых других городах Советского Союза демонстрирует удивительную активность, которая все сильнее проявляется в многочисленных публикациях (которые и перечисляются далее. — О. А.)» (С. 47—48). Нужно помнить, что «сам Г. А. Острогорский свое дело вершил с мыслью о грядущем возрождении византистики на Родине», — с полным на то основанием отмечает И. А. Иванов¹⁵.

Что же лежало в основе этого необъяснимого с логической точки зрения патриотизма, этой явно невзаимной любви? Об этом можно только догадываться, а потому позволю себе ограничиться не более чем гипотезами. По всей видимости, в первую очередь Г. А. Острогорского привязывали к России тот универсализм русской культуры, тот живой и искренний интерес к иным культурам и эпохам, который неизменно отличал образованного русского человека и был плотью от плоти универсализма великой империи, протя-

нувшейся от Балтийского моря до Тихого океана.

Во-вторых, свою роль, несомненно, сыграла «русская Прага» с ее русскими научными учреждениями, в деятельности которых участвовал Г. А. Острогорский. В их числе — Русское историческое общество в Праге, объединявшее историков-эмигрантов (в 1930-е годы в нем попеременно председательствовали такие яркие исследователи, как Е. Ф. Шмурло, А. А. Кизеветтер, А. Н. Фатеев и А. В. Флоровский), и знаменитый *Seminarium Kondakovianum*, основанным выдающимся русским историком и искусствоведом Н. П. Кондаковым. Спорадически участвовавший в заседаниях Семинара с 1931 года и публиковавшийся в его изданиях, Г. А. Острогорский вскоре превратился в неформального главу собрания. Накануне войны он даже попытался перевести его из оккупированной Праги в Белград, но трагические обстоятельства военного времени оказались сильнее. Тем не менее вклад традиций Семинара в формирование мировоззрения ученого выглядит неоспоримым.

В-третьих, свою роль должна была сыграть и атмосфера «русского Белграда», где действовали Русский научный институт в Белграде (там сотрудничали Д. С. Мережковский, А. В. Флоровский, Н. О. Лосский, С. Л. Франк и другие выдающиеся представители русской культуры), а также Русское археологическое общество (его сотрудниками были историки и историки общественной мысли Е. В. Спекторский, Ф. В. Тарновский, А. В. Соловьев и ряд других). В обоих начинаниях Г. А. Острогорский принял самое активное участие, от раза к разу все более проникаясь мистическим «русским духом».

В белградские годы стало окончательно ясно, что путь на Родину закрыт. В январе 1938-го был расстрелян видный русский византинист Владимир Николаевич Бенешевич (1874—1938), с которым Г. А. Острогорский состоял в активной переписке. Ему предлагали кафедру церковного права в Белградском университете, его арестовывали по «академическому делу» 1929—1930 годов — он отказался, будучи не в силах покинуть

¹³ См. «Византийский временник». 1968. Т. 29 (54). С. 304—307.

¹⁴ См. Г. А. Острогорский. Эволюция византийского обряда коронации. — «Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура. Сборник в честь В. Н. Лазарева». М., 1973.

¹⁵ И. А. Иванов. Русская византинология в Европе и труды академика Г. А. Острогорского. С. 107.

EX LIBRIS

Родину и опасаясь, что сыновья не смогут прижиться на чужбине. Родина «щедро отплатила» за верность и ему, и его сыновьям, расстрелянным почти одновременно с отцом. Последние остатки Града Земного разрушились на глазах: ни одно эмигрантское научное учреждение не пережило Второй мировой — кто-то умер, кто-то погиб, кто-то закрепился в далекой Америке; так разрушились связи и с «другой Россией» тоже. Оставался лишь Град Небесный — православие, духовная, мистическая Россия. Вероятно, она и стала последней «скрепой».

А может быть, все было много проще? Может быть, любовь русского человека к России вообще (а в случае Г. А. Острогорского — в частности) носит сугубо мистический характер и не нуждается в логическом объяснении? Не знаю: дальше пусть говорят специалисты и открытые ими архивные фонды. Я же со своей стороны закончу благодарностью М. В. Грацианскому и П. В. Кузенкову, подарившим широкому русскому читателю замечательной книги Г. А. Острогорского самую возможность задаться этими (а также многими другими) вопросами. ◆